

СОСЕД

рассказ

Геннадий
МАЙОРОВ

г. Орёл

Когда Виктору Корнюхину в министерстве предложили переехать в одну из граничащих с Подмосковьем областей, он, не раздумывая, согласился. Молодой талантливый инженер давно мечтал поработать самостоятельно, приобрести бесценный опыт непосредственно на производстве. Понимал, что только там можно проявить себя, обкатать на практике многие из честолюбивых задумок, воплотить в жизнь амбициозные проекты. И, естественно, построить карьеру.

В свои тридцать с небольшим лет Корнюхин жаждал большего, нежели хорошо оплачиваемая, но унылая до потери пульса министерская должность клерка средней руки. В нём klokотала неукротимая энергия, требующая выплеска из рутинных берегов. Ему хотелось свершений и побед, но не размеренного и тоскливого, ограниченного чиновничьими рамками распорядка дня.

Жена Ольга без колебаний поддержала Виктора, резонно заявив: «В Москву вернуться всегда успеем». Как умная и расчётливая женщина, она искренне верила в неординарность супруга и была убеждена, что он быстро заявит о себе в провинции. И тут же стала наводить справки о городе, в который им предстояло перебраться. С удовлетворением отметила, что там есть три театра, несколько музеев, связанных с известными личностями. А главное — город буквально утопал в зелени и считался одним из самых экологически чистых в Центральной России...

В обкоме партии Корнюхина встретили с распростёртыми объятиями: здесь заждались толкового инженера, способного не только модернизировать предприятие в духе времени, но и не осрамиться перед министерством обороны, которое предполагало разместить на заводе солидный заказ. Рекомендательные письма, скреплённые весьма влиятельными подписями, только подогревали интерес к

энергичному московскому гостю. К тому же он сам деловито заметил:

— Мне заявленная продукция хорошо знакома. При вашей поддержке, уверен, сделаем всё в лучшем виде. Мне кажется, мы можем даже кое-что усовершенствовать. Я, кстати, диссертацию на эту тему заканчиваю...

Из короткого диалога с присутствовавшим на встрече директором завода Корнюхин сделал вывод, что работы предстоит много, чего он совсем не боялся, лишь попросил не сдерживать его творческие порывы. Между прочим, намекнул на некоторые связи в Москве, которые помогут решить сложные организационные вопросы.

Уже после традиционного хлебосольного обеда, когда настало время собираться в дорогу, один из чиновников вдруг спохватился:

— Мы же с вами не успели обсудить вопрос жилья. Тут вот какое дело... У нас есть в центре города дом, так сказать, обкомовский. Он недавно заселён. Но остались две, так сказать, негабаритные квартирки-полупотки. То есть там две комнаты, но одна большая, а другая маленькая. Вы же пока вдвоём с женой живёте, деток нет... Это один вариант. Другой — полноценная двухкомнатная квартира, но в, так сказать, спальном районе. Выбирайте.

Корнюхину было безразлично, где жить, его больше занимали предстоящие производственные подвиги, которые, безусловно, поглотят всё его время; тут не до комфорта, было бы где помыться и переспать после ударных вахт. Но, вспомнив об эстетствующей жене, он встрепенулся и попросил позвонить в Москву, посоветоваться.

Ольга, не задумываясь, вынесла решение:

— Конечно же, надо жить в центре. Тем более в обкомовском доме. А потом, надеюсь, появятся варианты...

Через неделю новоиспечённый главный инженер въехал в ту полупотку. Отметил, что с его лоджии на седьмом этаже элитной девятиэтажки открывается изумительный вид на реку и парк. Корнюхин без промедления позвонил в Москву жене, которая никак не могла отобрать самые необходимые, как ей казалось, вещи к переезду, а заодно бегала по знакомым,

присматривая нужную мебель для новой квартиры. В эпоху дефицита и блата это была большая проблема.

— Оленька, — счастливый супруг вышагивал по громадной лоджии с телефонным аппаратом в руках, — ты знаешь, мне здесь всё нравится. Вид потрясающий: река, много зелёных насаждений. Буквально в пяти минутах ходьбы театр, ресторан, филармония... Домик не уступает московскому. Два лифта здесь — пассажирский и грузовой. Консьержка. Чистота и порядок. Уверен, тебе понравится. Так что приезжай поскорей. Брось свои шмотки, здесь всё купим, в обкоме обещали помощь через спецфонд...

Корнюхин устроился ночевать прямо на лоджии, поставив раскладушку, благо, место позволяло и погода тому способствовала. Позднее бабье лето одаривало мягким теплом, которое бережно накапливалось в течение дня и практически не растворялось тихими блаженными ночами. С земли тонко струился вверх запах опавшей листвы, напоминавший о детских кострах и запечённой в золе картошке. Звёзды, каких в московском смоге просто не видно, здесь усеяли весь потолок, лукаво подмигивая и приглашая в неведомые путешествия.

Корнюхин ощутил истому и умиротворение. Он закрыл глаза, и сознание тут же оттолкнулось от раскладушки, помчалось вдоль звёзд; и тело стало невесомым, и сонные фантазии раскрасились яркими волшебными красками. Он никогда не испытывал подобных ощущений, или они стёрлись в далёком детстве...

Работа нравилась, Корнюхин довольно скоро выявил в коллективе таких же, как сам, неутомных и пытливых специалистов, заинтриговал их небывалыми перспективами. Каждое утро до начала смены устраивал мозговой шторм, все новые идеи тут же скрупулёзно просчитывались, на следующий день они вновь обкатывались в спорах, прежде чем лечь на бумагу.

Не сразу, но удалось убедить ретроградов в необходимости следовать техническому прогрессу и перестраивать производство. Когда появились новые станки и технологические линии, пришлось переучивать персонал. Старики, конечно, ворчали, предпенсионные на-

чальники вяло сопротивлялись. Но когда оборонный заказ был получен, Корнюхина пригласили в обком, чтобы поблагодарить. Мало кто знал, что область получила огромные средства, о которых в эти надвигающиеся смутные времена можно было только мечтать.

Зиму Корнюхин, всецело увлечённый работой, как бы и не заметил. Сутками он пропал на заводе, и Ольга терпимо относилась к тому, что муж редко бывает дома. Она понимала: всё это ради высокой цели построения карьеры. Хотя сам Виктор шутливо отмахивался: «Да рано об этом думать, надо сначала самому сделать что-то стоящее».

Ольга в спор не вступала, хотя и оставалась при своём мнении. Сама она, чтобы не потерять квалификацию культработника, устроилась на работу в музей изобразительных искусств, с увлечением проводила экскурсии, участвовала в различных творческих мероприятиях. Её даже избрали в областной женсовет, так что при случае Ольга кокетливо заметила мужу:

— Вот видишь, меня тоже здесь ценят.

Он только снисходительно хмыкнул и нежно обнял супругу:

— А разве в Москве мы были бы так счастливы?!

— Ну в Москву-то мы рано или поздно вернёмся, — мягко парировала Ольга. — Тебе бы только диссертацию закончить, защититься...

— Да, времени на всё просто катастрофически не хватает, — выдохнул Виктор. — Но, бог даст, как-нибудь выкрутимся...

Свободное время у него неожиданно-негаданно появилось на пороге весны, когда злобная ангина вывела из строя главного инженера аж на две недели.

Он пытался сопротивляться, не хотел уходить на больничный. Но худенький, бесцветный, как и его старенький халат, доктор из заводской поликлиники очень доходчиво объяснил, какие последствия могут быть, если игнорировать врачебные предписания. Да и сам директор завода категорично потребовал от Корнюхина соблюдать постельный режим, дабы избежать серьёзных осложнений.

И тогда Корнюхин решил времени даром не

терять. Оставшись дома один, он извлёк из чемодана папки с набросками своей диссертации, устроился за кухонным столом и погрузился в науку, периодически поглощая различные таблетки и микстуры.

Тяжело было собраться с мыслями только в первый день. Но усилием воли он сумел довольно-таки быстро сосредоточиться, и белые листы стали заполняться научными фразами. Незаметно стол нагружался книгами — учебниками и справочниками, а ещё старыми институтскими конспектами. К умным рассуждениям добавлялись формулы, расчёты, обобщения.

На третий день болезни уже не хватало чистых листов, и Корнюхин принялся исписывать их с двух сторон, экономя бумагу. Он сам себя ободрял, мол, такими темпами за время больничного практически закончу черновой проект диссертации, а уж начисто её переписать для рецензентов труда не составит.

За окном, подгоняемая непоседливым ветром, наступала весна. Последние кучки снега чернели, скукоживались, испуская дух ручейками воды. Лопались почки на самых смелых деревьях, не желающих дожидаться по-настоящему тёплой погоды. Робким, но всё более насыщенным птичьим многоголосьем наполнялась парковая зона.

Корнюхин решил размяться и выйти на лоджию, вдохнуть пробуждающийся аромат весны. Но едва он взялся за щеколду, как в дверь позвонили.

«Кто бы это мог быть? Если с работы, то воспользовались бы телефоном... А если какие-то искатели или того хуже — попрошайки, коих развелось немерено? Они только выбьют из колеи, поломают весь график работы, придётся потратить драгоценное время, чтобы вновь настроиться, войти в прежний ритм. Не буду открывать!» — решил Корнюхин.

Несколько секунд полюбовавшись через дверь лоджии на избавляющуюся от зимней спячки природу, вернулся к столу. Но только потянулся к авторучке, в дверь вновь позвонили. Теперь уже более настойчиво и как-то пугающе.

«А вдруг что-то случилось, — пронеслось в сознании. — Может, пожар...»

В третий раз жалобно завизжал, захлёбываясь, звонок.

«Надо открывать...» — Корнюхин в одной тапочке — вторая в спешке куда-то слетела с ноги — засеменил к входной двери. Заторопившись, он не сразу сумел совладать с нечаянно заевшим замком. Чертыхнулся про себя, но дверь всё же открыл. И застыл в изумлении, соображая, что за визитёр к нему пожаловал.

Возле двери стоял взлохмаченный мужчина в засаленном домашнем халате. Помятое серое лицо, изуродованное мышечными спазмами, буквально молило о помощи. Не дожидаясь приглашения войти, незваный гость решительно переступил порог. В руке он держал бутылку коньяка.

И тут до Корнюхина дошло: это их высокопоставленный Сосед. Его так и называли полущёпотом многие обитатели дома. Сосед занимал очень важный пост в обкоме партии, заведовал кадрами и, по слухам, имел досье на всех, включая первого секретаря. Его не просто боялись, при одном только упоминании имени людей пожирал животный ужас. В молодые годы Сосед служил в НКВД и, опять же по слухам, проявил изрядное усердие в разоблачении врагов народа.

Корнюхин никогда не сталкивался с Соседом в подъезде, но Ольга рассказывала, что важный чиновник всегда возвращался домой в сопровождении шофёра-охранника, который вызывал лифт и мягко, но решительно пресекал все попытки жильцов проследовать вместе со своим шефом. Тот ни с кем не здоровался, не общался, давая понять, что все здесь ему не равня.

И вот теперь перед Корнюхиным стояло жалкое, потерянное подобие человека.

Сосед поднял глаза и уже в прихожей хрипло выдал из себя:

— Я пройду...

Увидев на кухне заваленный книгами и бумагами стол, Сосед остановился озадаченный. Корнюхин моментально сгрёб в охапку свою будущую диссертацию и перенёс её в комнату на диван.

— Присаживайтесь, — Корнюхин даже не припомнил имени-отчества Соседа и, смутившись, что не может обратиться к гостю как положено, показал рукой на табурет.

Сосед шумно сел, повертел в руках бутылку, не зная, что с ней делать. И вновь посмотрел

на хозяина квартиры совершенно растерянными суетливыми глазами.

Корнюхин поспешил на помощь: достал из серванта рюмку, вазочку с конфетами. Поймав недоуменный взгляд пришельца, поставил на стол вторую рюмку, не став объяснять, что не может присоединиться к возлиянию из-за болезни.

Сосед разлил коньяк и, не чокаясь, рывком опрокинул содержимое своей рюмки в рот. Снова налил. Выпил, но теперь уже медленнее. Тяжело выдохнул. Скрипучим, будто заржавленным голосом спросил:

— А вы что же не пьёте?

Корнюхин показал на завязанное шарфом горло и развёл руками: дескать, а что за повод? Сосед откашлялся, сообразив, что надо хоть как-то объяснить свой неожиданный визит. Наконец, успокоившись, подпёр кулаком подбородок и произнёс:

— Я здесь живу, в противоположном от вас углу... Всех обошёл — никого нет: на работе, наверное. А одному пить вроде как не по-русски...

Корнюхин не знал, как себя вести в подобной ситуации, и, чтобы скрыть волнение, принялся шарить в холодильнике, стараясь найти подобающую дорогому коньяку закуску.

— Не надо ничего, — уже твёрдым начальственным голосом остановил его Сосед. — Присядьте. Я у вас много времени не займу. Просто одному дома находиться невмоготу. Надо с кем-то... поговорить. Тяжело на душе...

Выпив ещё одну рюмку, Сосед, похоже, слегка запьянел, разомлел. Попытался улыбнуться.

— Вы ведь новый главный инженер с завода приборов. Я про вас всё знаю. Бумаги в порядке. Только вот почему не в партии?

Корнюхин напрягся, холодок просквозил по позвоночнику: что это значит?

— Да вы не волнуйтесь, мне теперь уже всё равно. Это я так, по старой привычке... Вот ведь как жизнь повернулась! Отправили на пенсию... Труссы... Так спешили, что даже личные вещи не дали забрать...

Сосед весь скукожился, губы задрожали от обиды и злости. Непослушной рукой он вновь наполнил рюмку, но не осилил — отпил только половину. Странный хрип, переходящий в кашель, выстрелами вырвался из утробы. Но гость жестом успокоил:

– Ничего страшного. Старые болячки.

Помолчали. Сосед думал о чём-то своём, сокровенном. Глаза засеребрились от подступающих слёз. Но он решительно замотал головой, отгоняя минутную слабость. И тут его прорвало:

– Всё одно к одному. Жену недавно схоронил. Ничего не предвещало беды... А тут ещё сын-оболтус связался с компанией. Наркотой промышляли. Убили его подельники-подонки... В газетах, естественно, написали, что сердечная недостаточность... Но разве от этого легче? Под корень срубили. Семью потерял, должность... В чём теперь смысл жизни?... Я ведь был верным партийцем. Да, искоренял всякую шуштуру, которая нам мешала строить социализм. Два ордена за это имею. Благодарность от Верховного... Тогда всё было понятно: там враг, а здесь соратники. И что теперь мы видим? Демократию захотели? Выборы? А государство летит в тартарары. Не сегодня завтра будем жить по указке американцев... В Кремле предатели. Россию растаскивают, продают оптом и в розницу. Я точно знаю: не пройдёт и года, как от России останутся ножки да рожки. Потому-то мы, старые кадры, и не нужны стали. Слишком много знаем и умеем...

Сосед неожиданно обмяк, рука скользнула к левой стороне груди. Корнюхин заволновался, выскочил в комнату, попытался найти валлидол в аптечке предусмотрительной жены. Но когда вернулся на кухню, гость решительно замотал головой:

– Нет-нет, никаких лекарств. У меня здоровья на семерых хватит. Вот ещё рюмку выпью и пойду, не буду вас отвлекать. И то хорошо, отлегло от сердца. А то бы один маялся со своими переживаниями.

Сосед вяловато улыбнулся, в обрамлении мелких морщинок глаза чуть заискрились, ожили. Корнюхин с удивлением отметил, что этот человек не так уж суров и злобен, как его рисовала молва. Пожалеть бы его надо, вон сколько горя-несчастий навалилось зараз. Но вслух Корнюхин произнёс:

– Может, вам помощь какая нужна. Так вы без церемоний...

– Спасибо, – протянул руку Сосед. – Хоро-

шо, что я к вам зашёл. С незнакомым человеком как-то легче... И вопросов меньше... А помощь мне не нужна. Силы духа хватит, чтобы всё это пережить... Извини за внезапное вторжение. Даст бог, ещё свидимся.

Выздоровев, Корнюхин окунулся в водоворот заводских дел. И странный визит Соседа почти выветрился из памяти. Они потом так и не пересекались.

А в начале лета Корнюхин поехал к родственникам на Волгу: получил приглашение на свадьбу племянницы. Двоюродный брат предложил остаться на недельку, порыбачить, а заодно поработать над диссертацией на свежем воздухе. Предложение было принято, и незапланированный краткосрочный отпуск прошёл на славу.

Посвежевший, эмоционально заряженный Корнюхин вернулся домой. Вышел из такси и словно наткнулся на невидимую преграду, застыл на месте, увидев возле подъезда потускневший от пыли венок, на чёрной ленте которого проступала жуткая фраза: «Спи спокойно, дорогой товарищ».

Всезнающий дворник Степаныч, заметив вопрошающий взгляд инженера, пояснил:

– Кабанов помер...

– А это кто? – машинально спросил Корнюхин.

– Ну как же, ваш сосед, что в обкоме работал. Пузатый такой, злой... Вот, рак к нему прицепился, сгорел за неделю. А сегодня хоронили. Только дюжина людей и провожала, родичей-то никого нет. А когда на погост отправились, кто-то из обкома прибыл – молодой малый, опоздал. Потоптался с минуту и говорит: «Мне некогда, дед, с кем-нибудь венок отправь на кладбище». И смылся. Вот я и думаю, как быть... Хоть и грубый был Кабанов, а всё ж человек. Нехорошо как-то получилось. Соратники даже проводить не удосужились...

Корнюхин медленно прошёл в холл, нажал кнопку вызова лифта. Одновременно спустились и грузовой, и пассажирский. Виктор на секунду растерялся, выбирая, в каком из них добираться на седьмой этаж. Про себя отметил, что теперь ни к чему будет судачить о важ-

ном соседе, а жильцам, как раньше, прятаться, едва завидев его на входе в подъезд.

Дома, на ходу стряхнув с ног кроссовки, Корнюхин поспешил на кухню, долго рылся в шкафу и успокоился, только когда нашёл бутылку дорогого французского коньяка, которую весной принёс с собой Сосед. Он и сейчас не смог бы объяснить, почему сохранил изящный пузырёк, в котором и коньяку-то оставалось на две-три рюмки. Тогда Кабанов категорически отказался забирать с собой остатки элитного напитка, а Корнюхин, в общем-то человек непьющий, в тот день попросту не мог себе позволить употребить спиртное из-за болезни горла. Решил: пусть постоит — не выбрасывать же остатки угощения, авось пригодятся по случаю.

Он медленно, с усилием вытянул пробку из горлышка и вылил содержимое бутылки в первый попавшийся под руку стакан. Но не решив, что делать дальше, какое-то время рассматривал, как янтарная влага, едва колыхаясь, натывается на проникающие сквозь стекло солнечные лучики, рисуя причудливые картины. Однако созерцание вместо приятных вызвало негативные ассоциации. Корнюхин ощутил, как в душу заполза-

ет маета. Из головы не выходил брошенный у входа в дом венок. Запылённо-сиротливый, невостробованный.

Корнюхина слегка подташнивало от одной только мысли-прозрения, что в этой жизни нет ничего ценного — нет богатых и бедных, здоровых и больных, руководителей и подчинённых. Смерть уравнивает всех, перечёркивает всё, что было ранее. И, уходя, ты уже никому не интересен. Попросту не нужен... И всё же не хотелось верить, что элементарное чувство сострадания в современном мире стало анахронизмом. Иначе ради чего мы живём?..

От радужного утреннего настроения не осталось и следа. Вспомнилась горькая фраза Степаньча: «А всё ж человек...»

Поминальный стакан Корнюхин выпил залпом.

Геннадий Николаевич МАЙОРОВ

родился в 1953 году.

Журналист, писатель.

Автор 17 книг: «Без вести пропавшим не считать» (1985), «Обнажённые нервы войны» (2005), «Пенальти» (1994, 2017),

«Глаза цвета зимнего моря» (2003),

«Здесь оглохла зима от обстрела» (2013),

«Георгиевский крест» (2015),

«Сквер артиллеристов» (2015),

«Засекреченная война» (2017),

«Не приезжай, любимый» и др.

Публиковался в журнале «Молодая гвардия», альманахе «Подвиг» и др.

Лауреат премий имени И.С. Тургенева, Орловского комсомола, а также журнала «Молодая гвардия».

Председатель Орловского регионального отделения

Союза российских писателей

и Орловского Союза журналистов.

В журнале «Север» публикуется впервые.

